

Олег Овчинников

Антинародная мудрость

Олег Вячеславович Овчинников

Антинародная мудрость

Текст предоставлен автором

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=184118

Овчинников О. Семь грехов / сборник: Азбука-классика; Москва; 2004

ISBN 5-352-00808-8

Аннотация

Герой рассказа высаживается на астероид и попадает в...
«маленькую вологодскую деревушку».

Олег Овчинников

Антинародная мудрость

*«И так идет за годом год,
Так и жизнь пройдет,
И в сотый раз маслом вниз
Упадет бутерброд,
Но, может, будет хоть день,
Может, будет хоть час,
Когда нам повезет...»*

(В. Цой)

После сорокового повторения я внезапно почувствовал, что правая рука начала уставать. Опускаю правую руку и произвожу следующие десять подтягиваний на левой. Затем, из чистого пижонства, подтягиваюсь еще пять раз, держась за перекладину одним мизинцем.

Ну что ж, пожалуй, хватит! Пятьдесят пять раз – не так плохо для человека моей комплекции.

Правда, в данной ситуации я не испытываю особой гордости. Даже абсолютно не развитый физически человек в определенных условиях может продемонстрировать способности супермена.

Невесомость разрушает стереотипы...

С сожалением отцепляюсь от перекладины и «плыву» вдоль коридора, ведущего в рубку управления.

На один из ложных иллюминаторов транслируется изображение с окуляра мощного телескопа. Через него можно рассмотреть поверхность астероида в подробностях.

Астероид по размеру слишком мал, чтобы удерживать вокруг себя атмосферу. Однако каким-то образом удерживает. Бортовой компьютер вывел на дисплей результаты атмосферного зондирования. Здешний воздух содержит 20 процентов кислорода, 75 – азота, и еще около трех процентов аргона, углекислоты, водорода и прочих добавок. Куда подевались остальные два процента, компьютер не сообщил. Неплохо, можно будет обойтись легким скафандром и не таскать за собой громоздкие кислородные баллоны.

Та часть поверхности астероида, которую можно рассмотреть через просветы в облаках, покрыта зеленью. Травяные луга и небольшие рощицы, невысокие горы, иногда – узкие ленты рек и озера, которые сверху кажутся голубыми каплями, разбрызганными по земле. Астероид с высоты полета космического катера напоминает Землю. В масштабе один к семистам. Или это просто ностальгия?

Я не сильно удивляюсь, когда замечаю на поверхности астероида ряд построек, как это принято говорить, «явно искусственного происхождения». Наличие атмосферы подразумевало присутствие ее создателей, естественным путем она здесь возникнуть не могла.

В Академии меня знали под именем Редуард Кинг. На са-

мом деле я русский. Мое настоящее имя – Дмитрий, а псевдоним Редуард Кинг я себе выбрал незадолго до вступительных экзаменов. Мотивация этого поступка осталась неясной даже мне самому.

Лет сто тому назад мои предки жили в небольшой деревушке под Вологдой. Я сам приезжал в те места несколько раз: в детстве, вместе с родителями, потом уже самостоятельно, в период академических каникул. Что-то неясное влекло меня туда, может, пресловутая тяга к корням?

То, что я видел сейчас через стекло гермошлема сильно напоминало мне маленькую вологодскую деревушку. Дома стояли в несколько рядов, не то чтобы очень ровных. Собранные из круглых бревен, они представляли собой классические избушки, которые строились без единого гвоздя. Зачем гвозди, если можно воспользоваться молекулярным уплотнителем? Впрочем, не думаю, что здешние строители имели представление о молекулярном уплотнителе. Дома выглядели слишком настоящими. Не стилизация под старину, а сама старина.

Все-таки эта деревня отличалась от той, где жили мои предки. Здесь на крышах не торчали тарелки параболических антенн всепланетного телевидения, а вместо площадок для посадки флайеров перед домами были разбиты ухоженные палисадники.

Над одной из избушек из трубы вился легкий дымок. К

ней я и направил свои отягощенные пневматическими при-сосками стопы.

Встроенный в скафандр детектор микробиомассы замигал зеленой лампочкой. Это означало, что вирусы и микроорганизмы, обитающие в здешней атмосфере, мне не страшны. По крайней мере не более страшны, чем мои родные, с Земли.

Забавно, на Земле вот уже полсотни лет нет светофоров. Автомобильный транспорт решительно вытеснен воздушным. Он экономичнее и не загрязняет атмосферу. «Землю – пешеходам!» – так звучал лозунг, распространенный в среде «Рожденных ходить». Мне всегда казалось, что течение это сплошь состояло из людей недалезорких. В смысле – близоруких. Да еще, наверное, из дальтоникиков. В общем, те, кому не выдавали автомобильные права, стали усиленно выдумывать себе гражданские. И со своей точки (слабоватого) зрения они были правы: флайером может управлять и слепой. Если, конечно, он не немой вдобавок и может четко произнести адрес пункта назначения. Все управление возьмет на себя компьютер. А вот светофор в воздухе повесить не на что.

Тем не менее, до сих пор все приборы, сконструированные человеком, сообщают красным светом об опасности и зеленым – о ее отсутствии.

Немедленно стягиваю гермошлем с головы. И без того чувствую себя неловко: в космическом скафандре в дере-

вушке, словно выстроенной из моих детских воспоминаний.

На окраине деревни располагалась архитектурная особенность, распознанная мною, как колодец типа «журавль». Еще больше утверждаюсь в мысли, что «все это очень подозрительно».

Местных жителей на улице практически не видно. Лишь один абориген занимается какими-то своими делами в палисаднике перед домом, к которому я как раз направлялся. Из-за дальности расстояния я пока не могу разобрать, действительно ли абориген передвигается на четырех конечностях или просто по роду своей деятельности старается быть поближе к земле.

Правильной оказалась вторая версия. Услышав мои шаги, абориген выпрямился во весь рост и повернулся ко мне лицом. Сказать, что передо мной стоял гуманоид, значит ничего не сказать! Внешностью он обладал чисто земной.

Пожилой человек, если судить по земным меркам, лет шестидесяти. Седая, непонятно когда последний раз причесанная шевелюра. Нос с горбинкой, голубые, чуть выцветшие глаза и седые усы с вкраплениями рыжего цвета. Одет в длинную, до колен, рубаху, стянутую на поясе ремешком. На правом плече – заплата, пришитая большими, неровными стежками. Руки испачканы в земле. У ног – небольшой мешочек с какими-то семенами. Видимо, я оторвал старика от ботанических изысканий.

Активизирую транслитератор – лучшее средство против

языкового барьера. Теперь все, что я скажу, будет преобразовано в мыслеобраз и направлено непосредственно в сознание моего собеседника. И наоборот.

– Здравствуйте! – говорю я.

При этом неосознанно склоняю голову к микрофону, вшитому в воротник скафандра. Стараюсь, чтобы голос звучал как можно дружелюбнее. На работе транслитератора это никак не скажется, а вот абориген может правильно распознать интонацию. Подкрепляю вербальный сигнал невербальным – изображаю на лице улыбку, но не слишком широкую, не демонстрирующую зубы. Кто знает, какая в этом обществе реакция на оскал. Ну, вроде ничего не забыл. Курс по установлению первого контакта был моим любимым в Академии.

Абориген не отвечал. Смотрел настороженно. Неужели транслитератор не смог донести до его сознания такой простой мыслеобраз? Может быть, в местном обществе не принято приветствовать друг друга при встрече? Или люди здесь настолько эгоистичны, что никогда не желают здоровья другим, заботясь только о своем собственном?

Следующая моя сентенция тоже из стандартного набора. Она довольно естественно звучит в устах (или какие там у них органы речи?) зеленого карлика с перепончатыми ушами или, к примеру, сгустка разумной протоплазмы в вакуумной упаковке. Мне же произносить ее всегда было неловко. Надеюсь, те, кто составлял учебники по контактологии зна-

ли, что делают.

– Я прибыл издалека.

Взгляд аборигена стал осмысленнее. Я безошибочно почувствовал, что контакт состоится!

– Здорово, коль не шутишь! – произнес старик на чистом русском. Если я не ошибся, то даже с легким акцентом, присущим жителям Вологодской области. По крайней мере, лет сто тому назад они тоже в своей речи делали ударение на звуке «о», или, если использовать лингвистический термин, «окали». «ЗдОрОвО» – вот как это звучало.

«Ваш собеседник приветствует вас, в том случае, если вы не пытаетесь своими словами либо действиями поставить его в неловкое положение, высмеять,» – спроецировался в моем сознании перевод транслитератора.

С раздражением я отключил бесполезную машинку.

Вот так! А чего хотел? О чем думал, когда мчался сюда со скоростью мысли? Что надеялся увидеть на этом астероиде, затерянном в космическом пространстве, на расстоянии в двадцать четыре световых года от ближайшей населенной планеты?

Да что угодно, только не это! Обрушьте на мой разум волну психического сканирования! Выстрелите в меня трассирующим лучом из бластеромета! Я, конечно, не обрадуюсь, но хотя бы смогу понять. Вот только не надо обращаться ко мне на моем родном языке, с акцентом, вышедшим из моды

задолго до моего рождения!

Это неправильно! Не-хО-рО-шО!

Земная колония?

Черта с два земная колония!

Даже если предположить, что одинокий кораблик с Земли сумел основать здесь колонию, не зарегистрированную в Галактическом Путеводителе. Достижений современной земной науки просто недостаточно для того, чтобы создать на мертвой поверхности астероида пригодную для жизни людей экологию и искусственно удерживаемую атмосферу.

Так что я не заблуждался на сей счет. Тот, кто стоял сейчас передо мной и правой рукой почесывал затылок, не мог быть человеком. Он принял вид человека, видимо, чтобы усыпить мою бдительность. А стоит мне только повернуться к нему спиной, как коварное существо раскроет рот и...

Старик раскрыл рот и спросил:

– Из городских, что ли, будешь?

Я судорожно сглотнул и неопределенно мотнул головой. Этому жесту нас в Академии не учили.

Странно, при облете астероида я не заметил других населенных пунктов. Кого же тогда старик называет «городскими»? И почему его не смущает мой внешний вид? Или среди «городских» сейчас принято разгуливать в космодесантных скафандрах? И, самое главное, как понимать это его «будешь»?

Я уже есть!

– Меня Игнатом кличут, – сказал старик и протянул мне руку. – Зови меня просто – дед Игнат.

– Редуард, – представился я.

– Чего? – не понял старик.

– Дмитрий я. Димка, – быстро поправился я и ответил на рукопожатие.

Если это была иллюзия, то очень правдоподобная. Ладонь старика оказалась шероховатой на ощупь и на удивление крепкой.

– А что сажаешь, дедушка? – спрашиваю.

– Дык, моркву, что же еще? Да ты заходи, че на улице стоять-то?

Аккуратно открываю калитку и захожу.

Откуда-то слева раздается странный звук: полулай-полувовай. Резко оборачиваюсь, тело автоматически принимает боевую стойку. Огромная собака! Слава Богу, на цепи.

А собака страшна! В первый момент в глаза бросаются гигантские клыки. Во второй – чрезмерная худоба животного. Ребра рельефно выпирают, шкура натянута на них, как на барабане. Ключья серой шерсти неровно торчат во все стороны.

– Ваша собака? – спрашиваю с невольным почтением в голосе.

– Зачем собака? – удивляется дед Игнат. – Волк.

И добавляет, обращаясь уже к животному:

– А ты, Серый, успокойся. Нечего брехать попусту. Свой это.

И снова ко мне:

– Айда в избу, что ли?

С трудом отвожу взгляд от хозяйского волка. До сих пор мне доводилось видеть волков только на картинках да на экране телевизора.

Иду к дому. У самого порога вновь останавливаюсь и оборачиваюсь, привлеченный новым непонятным звуком. Источник звука появляется из-за угла, везя за собой телегу, заполненную хворостом.

Лошадь!

Просто день зоологических раритетов какой-то! Лошадка понуро плетется, флегматично разглядывая свои передние копыта и помахивая хвостом. Поверх кучи хвороста сидит старушка, в руках у нее – поводья. Старушка одета во все темное, на голове – косынка. Лицо доброе. Вот она спрыгивает с телеги, не выпуская поводьев из рук. Лошадь начинает двигаться еще медленнее, из-под копыт вылетают мелкие камушки.

– А вот и Матрена! – радуется дед. – Матрен, а у нас гости! Митя, из города.

Матрена приветливо улыбается, кивает головой.

– Дык, что ж ты гостей на пороге держишь? Приглашай в дом. Я щас чегонть на стол соберу.

Весь внутренне собравшись, я решительно шагаю через

порог.

Обстановка в доме оказалась как раз такой, какой и должна быть. Стол в центре, лавки вдоль стен, половик у порога, громадная печь, занимающая четверть комнаты. Было даже чуть-чуть грустно осознавать, что все вокруг – всего лишь бутафория. Мастерски сделанная, но бутафория. Хотя кое в чем создатели иллюзии перестарались. Незначительная деталь. Если бы я так не увлекался стариной, мог бы и не обратить внимания.

В старинных деревнях в каждой избе был так называемый «красный» угол. Там ставили икону, вешали образки. Обычно это был тот угол, который сразу замечаешь, когда заходишь в избу. Здесь же иконы стояли в каждом углу.

Четыре «красных» угла – не многовато ли?

Вот так, специалисты по воссозданию антуража! Один – ноль в мою пользу!

Как только мы переступили порог, нам навстречу выбежал громадный рыжий котище. Затем, видимо, заметив постороннего, сменил походку на более степенную. С важным видом он подошел ко мне, тщательно обнюхал и принялся тереться спиной о мои ботинки. На усатой мордочке явно читалось удовольствие. Еще бы! Вряд ли деревенскому обитателю раньше приходилось тереться о ботинки, предназначенные для передвижения по внешней обшивке космического корабля!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.